

Фу Сюань медленно показал «Мягкий пухлый кулак» от начала до конца, а затем спросил:

— Понял?

— Глаза говорят, что поняли, а кулак — пока нет, — Фу Сиянь ответил фразой, привычной для людей из его родного будущего.

Однако Фу Сюань не оценил заключенного в ней юмора и велел ему попробовать повторить всё самому.

Фу Сиянь изначально думал, что будет всё забывать и двигаться неуклюже, но, к его собственному удивлению, не считая пары недостаточно точных движений, требующих исправления, он выполнил весь комплекс на одном дыхании.

Фу Сюань остался вполне доволен:

— Пару приемов из этого я показывал Чжунсинь и Гэнгэну. Раз ты уже советовался с ними по поводу боевых искусств, освоить это тебе будет гораздо проще.

В этот момент Фу Сиянь тоже слегка воодушевился.

Завершив всю последовательность «Мягкого пухлого кулака», он сразу ощутил всю пользу этой техники.

В процессе выполнения упражнений истинная ци циркулировала в теле мягко и плавно, под стать названию самого комплекса, а при нанесении ударов скрытая в ци сила мгновенная высвобождалась, позволяя в одно мгновение покалечить противника.

Он не знал, что эта особенность была уникальна именно для него. По крайней мере, освоенный Фу Сюанем «Мягкий пухлый кулак» позволял лишь опутывать врага, используя принцип победы над жестким с помощью мягкости, при котором ци постепенно и непрерывно просачивалась внутрь с поверхности.

Посмотрев со стороны, как племянник выполняет упражнение еще пару раз и не совершает принципиальных ошибок, Фу Сюань отправился на службу.

Именно поэтому он и поднял Фу Сияня посреди ночи на тренировку. В Бэйчжоу выходной давался раз в десять дней, и до его наступления оставалось еще много времени, а в деле освоения боевых искусств, разумеется, действовало правило: чем раньше начнешь, тем лучше.

Уход Фу Сюаня не прервал тренировок: Фу Сиянь продолжил заниматься в одиночестве, пока не отточил комплекс до полной плавности движений, от которых каждый удар сопровождался

свистом рассекаемого воздуха.

К этому моменту небо полностью посветлело, однако слуга так и не пришел звать его к завтраку.

Потерев лицо полотенцем для пота, он уже собирался отправиться к Фу Чэньшэну на утренний доклад, чтобы перекусить — последние дни он жил именно там, и слуги Фу Чэньшэна давно привыкли к этому, каждый раз закладывая порцию на одного человека больше.

В этот самый момент во дворе появился Фу Фу, заложив руки за спину:

— Твой дядя сказал, что ты тренируешься здесь. Ну-ка, покажи мне, как бьешь.

Фу Сиянь: «...»

Вот почему в детстве взрослые не заставляли его выступать с каким-нибудь номером: оказывается, они ждали, пока у него появится истинная ци. Тем не менее, желая проявить сыновнюю учтивость, Фу Сиянь помог исполнить желание пожилого отца.

Глаза Фу Фу сияли от восторга, и он растроганно произнес:

— Если бы твоя матушка это увидела, она бы наверняка обрадовалась.

Фу Сиянь остолбенел.

Госпожа Фу, которую интересовал исключительно управляющий, обрадовалась бы, увидев его удары? Вы серьезно? Сообразив мгновенно, он понял, что речь, скорее всего, шла о наложнице Бай.

Наложница Бай ушла из жизни слишком рано и оставила после себя слишком мало. В детстве он несколько раз расспрашивал о ней, но скупые фразы окружающих были не способны составить сколько-нибудь целостный образ, и ему неизменно хотелось услышать о ней хоть что-нибудь еще:

— Откуда ты знаешь?

Фу Фу ответил:

— Потому что эту книгу боевых искусств принесла с собой именно она.

Фу Сиянь замер.

В его воображении наложница Бай всегда оставалась хрупкой красавицей из обедневшего знатного рода, которой ради спасения пришлось пуститься в бега. Но как вышло, что она владела трактатом по боевым искусствам, которым дорожил даже особняк Юнфэнского боа? За этой историей скрывалось... слишком много возможных поворотов.

Фу Фу сказал:

— Сама она боевыми искусствами не владела. Хотя она принесла этот комплекс в качестве приданого в особняк боа и разрешила изучать его всем членам нашей семьи, я знаю: в глубине души она все же надеялась, что его передаст дальше именно ее сын.

Он действительно говорил о наложнице Бай.

Услышав это, Фу Сиянь уже не мог сдержаться:

— Почему у моей матушки вообще оказалась книга боевых искусств? Разве отцу не казалось это странным?

Задрав голову, Фу Фу словно погрузился в воспоминания:

— Твоя матушка рассказывала, что твоя бабушка по материнской линии была странствующей мастерицей боевых искусств — сильной и искусной. Позже она нажила грозных врагов, вся ее семья погибла, и спастись удалось лишь твоей матери. Сама она не владела боевыми искусствами и не могла отомстить, поэтому ей оставалось лишь искать защиты под крылом особняба боа.

Фу Сиянь спросил:

— Кто был ее врагом?

Фу Фу с тоской покачал головой:

— Я тоже спрашивал об этом, но она ничего не сказала. Думаю, она не хотела втягивать меня и не желала, чтобы ты с самого детства жил с ненавистью в сердце.

— А позже кто-нибудь приходил мстить?

— Нет. Никто так и не явился за ней до самого ее конца, — ответил Фу Фу и извлек из-за пазухи книгу — ту самую, с трактатом «Мягкого пухлого кулака». — Отныне эта книга боевых искусств будет храниться у тебя.

Взяв ее в руки и листая страницы, Фу Сиянь пробормотал:

— В нашей семье и впрямь полно сокровищ. В детстве дядя подарил мне полное собрание сочинений цзянху.

Просмотрев несколько страниц, он заметил, что, несмотря на мягкое название, почерк в книге был исключительно жестким и сильным, а между листами обнаружили зажатые обрывки черновой бумаги, свидетельствовавшие о том, что автору рукописи приходилось несладко.

По мнению Фу Сияня, за исключением названия, эта книга совершенно не походила на женскую вещь — слишком уж грубая работа.

— Этот трактат достался нам по линии предков моей матушки?

— Я немного знаю о происхождении твоей матери, — Фу Фу сегодня, казалось, открыл ларец с воспоминаниями и никак не мог остановиться. — Должно быть, твоя матушка сменила имя.

Фу Сиянь оторвался от изучения секретных техник:

— Разве ее звали не Бай Пин?

— Когда я только познакомился с ней, ее звали Бай Пинчжоу.

...

Все пройденные корабли — не то, косые лучи заката безмолвно ласкают просторы речных вод.

Разрывающие сердце белые ряски на отмели.

В этом мире тоже существовало это стихотворение, написанное Вэнь Тинюнем, полное все той же раздирающей душу тоски по разлуке. Фу Сиянь и Фу Фу подумали о нем одновременно.

Преодолевая неловкость, но будучи не в силах смолчать, Фу Сиянь спросил:

— Через сколько месяцев после свадьбы я родился?

Придя в себя, Фу Фу ответил увесистым шлепком по его макушке:

— Ты появился на свет спустя целых десять месяцев после того, как твоя матушка переступила наш порог, а зачать тебя удалось лишь через два месяца. О ком бы ни тосковала в прошлом

твоя мать, ты — сын твоего отца, или ты возомнил себя Нэчхой?!

Фу Сиянь с облегчением выдохнул и, глуповато улыбаясь, потирал ушибленную голову.

Впрочем, его дурацкие мысли трудно было назвать необоснованными — имя, которое его матушка носила прежде, уж слишком сильно располагало к разного рода фантазиям.

Теперь же у Фу Фу не осталось прежней меланхоличной тоски по ушедшей возлюбленной:

— После тренировки с этим комплексом не заметил ли ты сдвигов в своем барьере боевой ступени?

В тот день, когда Фу Сиянь достиг уровня Золотого сияния... то есть нет, вершины закалки костей, у него появилось смутное предчувствие, что до прорыва не хватает буквально одного шага. Однако как бы усердно он ни тренировался, это препятствие застряло намертво — его можно было разглядеть, но преодолеть не удавалось.

Фу Сиянь покачал головой:

— Наверное, придется еще подождать. Разве в романах герои не совершают прорыв в критический для жизни момент, внезапно превращаясь в суперсаянов и втапывая противника в грязь?

Превращаться в суперсаяна он не планировал, а потому ничуть не спешил.

Кивнув, Фу Фу воздержался от комментариев и сменил тему:

— Через несколько дней наступит праздник Сяюань. В доме планируют провести традиционные жертвоприношения предкам, тогда-то сюда и пожалуют некоторые дядья и старейшины, так что веди себя примерно.

Особое напутствие отца показалось Фу Сияню несколько странным.

Дяди и старейшины, способные принять участие в жертвенном ритуале, разумеется, приходились им кровными родственниками. Однако главная ветвь рода Фу и побочные линии долгие годы враждовали. В периоды самых ожесточенных столкновений старый Юнфэнский боа самолично возвел в усадьбе собственный родовой храм для жертвоприношений и громко, без оглядки на приличия, требовал разделить имущество. И хотя уговоры старейшин рода тогда помогли избежать окончательного раскола, с тех пор представители побочных ветвей никогда больше не появлялись в здешнем храме, а главная линия рода наотрез отказывалась навещать их в ответ.

И все же оставалось кое-что, чего он не знал: старый Юнфэнский боа презирал побочные ветви, а Фу Фу и Фу Сюань испытывали жгучий стыд.

В событиях тех лет правым все же не назовешь никого, но старый Юнфэнский боа тогда зашел куда дальше остальных.

Фу Фу помнил, как при расставании старейшина рода тогда сказал его отцу с глубоким вздохом: «Главная и побочные ветви — все мы единая плоть и кровь. Только держась вместе, можно добиться процветания рода. Междоусобицы братьев лишь дают посторонним повод воспользоваться нашей слабостью».

Тогда он еще не стоял во главе дома и не ведал ледящего душу одиночества, когда остаешься один на один с волчьей стаей этого имперского града Гаоцзин.

В последнее время его все чаще посещали мысли: не потому ли император Цзяньхун нацелился на клан Фу, что за спиной двух братьев не стояло мощной поддержки всего клана, отчего среди знатных фамилий они выглядели особенно уязвимыми и беззащитными?

Проводив взглядом удаляющегося отца, Фу Сянь подумал о том, что в этот приезд тот стал вставать раньше обычного и выглядел заметно постарше. Вывод напрашивался сам собой: недостаток сна ведет к морщинам!

Направившись в небольшой внутренний двор Фу Чэньшэна, он принял освежающий душ и, отказавшись от ужина, зарылся с головой в одеяние постели, погрузившись в тяжелый сон.

Проснувшись, он почувствовал, что голова стала еще тяжелее. Слуга принес воды, чтобы он мог умыться. Слегка придя в себя, он вспомнил о сегодняшних планах: сначала зайти в министерство чинов с докладом и получить пропуск-верительную грамоту, а затем отправиться в назначенные императорские торговые ряды для заказа парадного служебного костюма.

Обычные служебные одеяния имелись на складах в готовом виде, но из-за нестандартной фигуры Фу Сяню пришлось доплатить за срочность, чтобы комплект сшили заново.

В хлопотах и беготне незаметно пролетел день, и к полудню в животе уже вовсю урчало от голода. К счастью, всё происходило неподалеку от Восточного рынка, и он уже собирался поискать какое-нибудь заведение, чтобы перекусить, как вдруг...[32 Глава. Тоска отца (часть 2)]

Вслед за наступлением заморозков неумолимо приближался праздник Сяюань.

В прежнем мире Сяюань не пользовался и сотой долей той популярности, что выпадала на долю праздников Чжунъюань и Шанъюань, а со временем и сами традиции поминовения предков постепенно предавались забвению. Однако в Бэйчжоу многие семьи по-прежнему

бережно хранили обычай лакомиться в этот день сладкими угощениями вроде паровых булочек с начинкой из сладкой фасоли или рисовых лепешек. Впрочем, устраивать грандиозные церемонии почитания предков решались немногие.

Поэтому, когда жители Гаоцзина и его окрестностей, носящие фамилию Фу, получили официальные приглашения на родовые жертвоприношения из особняка Юнфэнского боа, все они сочли это чьей-то глупой шуткой.

Лишь за несколько дней до этого, когда в столицу вернулись посланные Юнфэнским боа за родовыми старейшинами экипажи, до окружающих дошло: на этот раз особняк действительно вознамерился положить конец многолетней вражде с побочными линиями клана.

Старейшины рода Фу давно мечтали о примирении и восстановлении связей между ветвями. Получив послание от Фу Фу, они без лишних слов дали согласие и сами активно взялись за агитацию среди остальных родственников. В результате в день праздника Сяюань, несмотря на пронизывающий холод, у ворот особняка Юнфэнского боа выстроилась целая вереница экипажей и наблюдалось небывалое оживление.

Для молодых представителей семьи Фу это был первый в жизни случай, когда дом оказался наводнен таким количеством людей — в главном зале буквально негде было яблоку упасть. Под предводительством госпожи Фу они чинно вышагивали по комнатам, наперебой приветствуя почтенных дядей и дедушек. Кто-то отвечал на поздравления с неподдельным теплом, одаривая детей серебряными монетками, а кто-то отделывался прохладным кивком, не выражая никаких эмоций.

К счастью, от них требовалось лишь создать нужную атмосферу, чтобы в момент открытия родового храма обстановка не казалась чересчур натянутой.

Хотя обе стороны годами не поддерживали отношений, законным главой клана по-прежнему числился Фу Фу, поэтому именно он возглавил церемонию воскурения благовоний и чтения жертвенных текстов.

По завершении ритуала все присутствующие прекрасно понимали: самое главное только начинается.

Спустя столько лет отчуждения внезапный созыв всех родственников мог означать лишь одно — предстоит обсуждение важнейших вопросов. И вот, по знаку старшего старейшины, семьи одна за другой согласно заранее достигнутой договоренности выдвинули уполномоченных представителей, которые вслед за братьями Фу Фу и Фу Сюанем прошли во внутренние покои для беседы.

Внутренний зал уже успели прогреть с помощью жаровен с древесным углем, и внутри было по-весеннему тепло.

Из старейшин, некогда предотвративших разделение рода, в живых остался лишь один, остальные присутствующие принадлежали к поколению самого Фу Фу. Ради стирания границ между главной и побочными ветвями и ради укрепления их сплоченности...

Лицо Фу Ши покраснело от прилива крови.

С чего бы им жить хорошо? Чтобы выбить для него шанс остаться в Гаоцзине, его семья потратила немислимые суммы серебра, задействовала бесчисленные связи и в итоге добились лишь назначения в министерство работ с понижением в должности и сохранением прежнего чина. Ему говорили: перетерпишь пару лет, покажешь себя с лучшей стороны — и получишь нормальное назначение. Но он отбатрачил в этом министерстве целых два года, изо дня в день выполняя самую грязную и непрестижную работу, где у него просто не было возможности проявить себя!

Холодным тоном он бросил:

— Куда уж нам тягаться с Юнфэнским боа, обласканным императорской милостью и обладающим безграничными перспективами!

Фу Фу уже давно навел справки о том, как складывается жизнь родственника, и со вздохом произнес:

— По правде говоря, не стоит судить о благополучии особняка боа по внешнему блеску. Все тяготы и лишения известны лишь тем, кто их испытывает. Как справедливо заметил братец Цзышань, хотя императорская милость безгранична, в моем поколении лишь мы вдвоем с братом, а следующее поколение еще не до конца окрепло. Даже если подвернутся возможности, нам остается лишь вздыхать о них при виде столь лакомого куска, а потому я и осмелился пойти на бесстыдство, пригласив всех вас, братья мои, заняться семейным делом сообща.

Его тон был подчеркнуто скромным, но аргументы прозвучали предельно четко. Смысл сводился к следующему: император ко мне действительно благоволит, и шансов предостаточно, но пирог оказался слишком велик, нам с братом его не осилить, поэтому мы и хотим позвать всех вас разделить трапезу.

Такое предложение не сыскать и с фонарем среди бела дня, и даже затаивший обиду Фу Ши по прозвищу Цзышань не смог найти повода для отказа.

Все собравшиеся прекрасно понимали: судя по текущему соотношению сил, хотя речь шла о «совместном ведении дел», на первых порах основная финансовая нагрузка ляжет именно на плечи особняка Юнфэнского боа.

Выслушав его, старший старейшина несколько раз одобрительно повторил:

— Хорошо!

Едва Фу Фу занял свое место, как Фу Сюань тут же подхватил:

— Впрочем, для сегодняшнего открытия родового храма требуется еще одна веская причина.

Император лишь намекнул на намерение возвысить особняк Юнфэнского боа, как тот в спешном порядке открыл родовой храм, помирился с много лет игнорируемой побочной ветвью и тут же стал хлопотать об их переводах и повышениях. Слишком уж неприкрыто и некрасиво выглядело такое поведение.

Дураков среди собравшихся не было, а если кто-то и уступал умом остальным, то после кратких разъяснений соседей тоже быстро все улавливал.

Старший старейшина осведомился:

— Каковы же твои соображения?

Улыбнувшись, Фу Сюань пояснил:

— Мой четвертый племянник с малых лет страдал странным недугом — он не мог развить истинную ци. Не так давно он побывал в Пэйцзечжэне, и врач сказал, что исправить это поможет прием чудесной пилюли. Разве не хранятся среди реликвий наших предков две «Пилюли великого божества»? Их издревле почитали в родовом храме, и теперь, открывая двери святилища, мы хотим нижайше испросить у всех вашего согласия использовать это божественное лекарство для исцеления моего несчастного племянника. А озвученные моим братом условия станут лишь выражением нашей благодарности вам.

«Пилюля великого божества» относилась к духовным эликсирам желтой ступени, обладавшим удивительным свойством: в кратчайший срок они высвобождали скрытый потенциал человека, удваивая его боевую мощь. Именно благодаря им первый Юнфэнский боа в ключевых сражениях крушил врагов налево и направо, заложив фундамент процветания их рода. Впрочем, в нынешнюю мирную эпоху практическая ценность двух оставшихся пилюль уступала их символическому значению.

Слова Фу Сюаня заставили всех присутствующих погрузиться в молчание.

Как-никак, «Пилюля великого божества» оставалась реликвией прародителей, добытой в боях, и тратить ее вот так просто казалось невероятно жалко. С другой стороны, помимо использования божественной пилюли, они не могли придумать никакой другой причины, по которой главная ветвь решила бы на столь внезапный созыв храма и щедрую раздачу благ.

В конце концов старший старейшина ударил по рукам, окончательно утвердив решение:

— Предки оставили эти пилюли ради того, чтобы мы прославили род Фу, так почему же не использовать их теперь, когда это действительно нужно?

*

В Гаоцзине за особняком Юнфэнского боа следили многие, поэтому примирение главной и побочных ветвей клана Фу мгновенно превратилось в главную столичную сенсацию, и даже император Цзяньхун счел необходимым лично вызвать Фу Фу, чтобы расспросить обо всем.

Фу Фу с горьким вздохом излил душу императору:

— Если бы не этот непутевый должник-сын, разве стал бы я на старости лет терять последние остатки стыда и кланяться людям?

Узнав подробности, император Цзяньхун даже растрогался:

— Тяжела же доля родительская! — и пожаловал сто золотых в качестве утешения за столь крупные непредвиденные расходы.

После ухода Фу Фу император Цзяньхун вздохнул, обращаясь к Ю Шуанси:

— Поистине, в этом Гаоцзине не сыскать простых людей.

*

Когда Фу Фу вернулся из императорского дворца с наградой, они с Фу Сюанем наконец смогли перевести дух.

Для клана Фу главным было восстановление связей, а пилюля выступала лишь дымовой завесой; для императора же на первом месте стояла пилюля, а примирение выглядело вынужденной мерой. И тем не менее, они оба прекрасно понимали: с самого начала обе эти задачи — и использование «Пилюли великого божества», и воссоединение рода — входили в их изначальный план.

Разобравшись разом с двумя важнейшими делами, Фу Фу воспрянул духом:

— Позовите-ка сюда Четвертого.

*

В последнее время Фу Сянь был озабочен поиском способов заработать.

С наступлением холодов тюремные помещения в палате цензоров занимали огромную площадь и тянули за собой сырость, так что ежедневно приходилось сжигать по несколько жаровен с углем. Казённых дотаций не хватало, приходилось тратиться из собственного кармана, а выданные дядей и братом перед командировкой средства уже подошли к концу. Чтобы не превратиться в профессионального дармоеда, живущего за чужой счет, оставалось лишь искать источники дохода самостоятельно.

Он подумывал о том, чтобы перевести открытие собственного дела в практическую плоскость, и, получив вызов от Фу Фу, немедленно отправился к нему, захватив с собой рецепты.

Не успев толком появиться, он оглушил двор звонким возгласом:

— Отец! — и, сделав пару прыжков, приземлился прямо перед Фу Фу. — Отец, даже если ты забыл Ся Юйхэ у озера Даминху, ты обязан помнить того, кто был тебе дорог... словно грозящая закипеть вода. В этот момент из области истинного первоначала хлынул мощный поток ци. Пройдя по обычному кругу циркуляции в соответствии с техникой культивации, он с легкостью преодолел тот самый барьер, что прежде неизменно ускользал от него на самую малость.

Сделав рывок на одном дыхании, Фу Сиянь прогнал комплекс еще два-три раза, пока золотистый оттенок в костях не начал стремительно растекаться подобно приливу, постепенно пропитывая мышечные ткани и медленно просачиваясь в кожу.

Наблюдавшие за ним Фу Фу и Фу Сюань переглянулись, и на их лицах проступила радость.

Узнав, что Фу Сиянь по ошибке проглотил пилюлю Смешения Инь-Ян и дошел до пика закалки костей, они принялись разыскивать самые разные чудодейственные лекарства. Однако после долгих сравнений выяснилось, что лучше всего подходит именно родовая «Пилюля великого божества». Во-первых, ее не нужно было добывать с трудом, а во-вторых, будучи эликсиром желтой ступени, она не имела побочных эффектов и даже в случае неудачи не нанесла бы вреда организму. Но сработает ли она на практике, можно было узнать лишь сейчас.

Заметив проступивший на коже Фу Сияня бледно-золотистый оттенок, они поняли: это признак начальной ступени закалки алмазного тела. А ведь даже командующий Цзиньви Вэй Чу Гуан находился лишь на начальной ступени алмазного тела! Можно сказать, что отныне среди отпрысков аристократических семей Гаоцзина, занимающихся боевыми искусствами, помимо Ло Уцзая, не было равных Фу Сияню!

<http://bllate.org/book/19792/1950367>